

Ночная мгла накинута на пентхаус Шэнь Цинцы тонкую пелену тайны. Городские огни разливались вдалеке, подобно бесшумной реке, превращая это небольшое пространство в изолированный остров. Здесь, вдали от чужих глаз, рождались опасные желания, которые в обычное время приходилось жестоко подавлять.

Сбросив дневную броню, Шэнь Цинцы не стал, как обычно, переодеваться в привычный свободный домашний костюм. Необъяснимый, волнующий порыв тихо пел в его крови. Успешный опыт сокрытия своей натуры и обретения силы в офисе стал своеобразным мощным катализатором, породившим еще более дерзкий замысел — желание не просто облачиться в тайное, а обрести некую конкретную форму, своеобразное проявление той скрытной Цинцин.

Как только эта мысль возникла, она подобно лиане мгновенно обвила его сознание.

Он вошел в свою абсолютно приватную гардеробную. Взгляд скользнул по изысканным женским нарядам и остановился на платье, которое он еще никогда не примерял. Это было темно-красное бархатное платье на бретелях, глубиной цвета напоминавшее застывшее вино. Мягкая, тяжелая ткань с благородной драпировкой безупречно облегла фигуру, а высокий боковой разрез сулил волнующую игру при каждом движении. Оно было сексуальным, дерзким, даже немного вызывающим, словно наряд королевы ночи, резко контрастировавший с привычным изящным стилем Цинцин.

Дрожь, смешанная с напряжением и восторгом, пробежала по позвоночнику. Это то, что нужно.

Процесс переодевания превратился в жаркий ритуал. Он тщательно надел подходящее черное кружевное белье и новую гигиеническую прокладку, а затем осторожно облачился в бархатное платье. Тонкая текстура ткани, скользя по коже, приносила ощущение роскоши и чувственности. Платье село идеально, подчеркивая стройный и плавный силуэт, скорректированный утягивающим бельем. Особенно эффектно смотрелись изгибы талии и бедер — под мягким бархатом они обретали особую, эстетичную выразительность, стиравшую гендерные границы. Благодаря высокому разрезу длинные ноги в прозрачных черных колготках то и дело проступали при ходьбе.

Он подошел к огромному зеркалу в полный рост. Его отражение, закованное в темно-красный бархат, казалось в полумраке еще более высоким и изящным. Несмотря на то что на плечах по-прежнему было красивое лицо Шэнь Цинцы без капли косметики, весь его облик кардинально преобразился, излучая холодную, загадочную притягательность. Он не стал надевать парик, оставив черные короткие волосы свободно спадать: такой контраст только придавал образу странную, утонченную сексуальность.

Однако этого было недостаточно.

Его взгляд упал на угол гостиной, где стоял начищенный до блеска рояль. Он замер в тени, словно спящий черный леопард. В его голове созрел еще более смелый план.

Он хотел сыграть в этом наряде. И записать это на видео.

Не ради славы или коммерции, а лишь чтобы... запечатлеть себя настоящего в этот момент. Первобытный порыв оставить след, бросить камень в пустоту и ждать отзвука. Конечно, он ни за что не раскроет свою личность. Никакого лица, только фрагменты: порхающие по клавишам пальцы, обтянутая бархатом фигура, длинные ноги в колготках, утопающие в тени.

Он настроил свет в комнате, оставив лишь один точечный прожектор, чей тусклый луч падал только на клавиши рояля и скамейку. Это гарантировало, что лицо и любые узнаваемые детали интерьера останутся во мраке. Он установил телефон, выстроил композицию так, чтобы в кадр попадали лишь руки, часть предплечий, линия бедер и перекрещенные ноги в черных колготках.

Все было готово. Он сел на скамейку, бархатный подол платья растекся вокруг, а приоткрытый разрез обнажил голень, поблескивающую в сумерках.

Он глубоко вдохнул и положил длинные тонкие пальцы на холодные клавиши. Шэнь Цинцы выбрал ноктюрн Шопена — мелодия была плавной, эмоциональной, с едва уловимой ноткой меланхолии и романтики.

Нажал кнопку записи.

Звуки полились из-под его пальцев.

Поначалу он чувствовал легкое напряжение, то и дело отвлекаясь на физические ощущения: прикосновение бархата, легкое давление колготок, осознание того, что камера фиксирует каждое движение. Но вскоре музыка захватила его целиком. Он погрузился в нее, тело едва заметно покачивалось в такт, а темно-красный подол струился, словно вода.

Камера послушно записывала: грациозно взлетающие и опускающиеся пальцы — сильные, уверенно владеющие инструментом, но невероятно нежные в адажио. На краях кадра — изящная талия и безупречные линии бедер, создающие соблазнительный силуэт в полумраке. Время от времени, когда он нажимал на педаль, разрез приоткрывался шире, обнажая голень в прозрачном нейлоне и тонкую щиколотку.

Это был акт сдержанной провокации, тщательно срежиссированное выступление без показа лица. Вся чувственность и намеки передавались через детали, игру света и музыку. Это ощущалось гораздо интереснее и художественнее, чем простое обнажение, и полностью соответствовало скрытому, высокомерному эстетизму Шэнь Цинцы — или, вернее, Цинцин.

Музыка стихла, и последние отголоски медленно растворились в тишине гостиной.

Шэнь Цинцы убрал руки с клавиш и положил их на колени. Он просидел так несколько секунд,

словно продолжая смаковать единение музыки и души. Затем встал и выключил запись.

Он взял телефон и открыл видео. Изображение на экране заставило его затаить дыхание: мрачное, сексуальное, окутанное тайной. Руки на крупном плане казались чужими, полными артистизма; очертания фигуры выглядели пугающе обольстительными; а вкрадчивые силуэты ног в колготках довели эту неоднозначную атмосферу до предела. Лица не было, но один лишь этот визуальный ряд вызывал бесконечное множество фантазий.

Прилив жара бросился ему в лицо: это было возбуждение, стыд и огромное чувство удовлетворения. Он сделал это! Он не только позволил себе существовать в этом образе, но и зафиксировал этот миг навечно!

Затем последовал еще более смелый шаг. Он зашел в анонимный аккаунт в социальной сети, где не было никакой привязки к его личности. Учетная запись была создана давно, но оставалась пустой, словно необитаемый остров. Он слегка подредактировал видео, чтобы исключить любые случайные детали, и озаглавил его просто и интригующе: Ноктюрн. Тень.

Курсор долго висел над кнопкой публикации. Сердце бешено колотилось, отдаваясь в ушах шумом крови. Он понимал, что ставит на кон: теперь это не личное тайное наслаждение, а выход в неконтролируемое, огромное общественное пространство. Даже под прикрытием анонимности это было рискованной игрой.

В конце концов, непреодолимое желание быть увиденным — пусть даже таким искаженным способом — подтолкнуло его палец.

Нажал. Опубликовано.

Полоска загрузки медленно поползла, завершившись надписью: Публикация успешна.

В одно мгновение на него нахлынуло огромное чувство пустоты и паники. Ему нестерпимо захотелось немедленно удалить это. Но более сильное, мятежное ощущение триумфа удержало его. Он сделал это, он решился. Он выпустил на волю ту запертую Цинцин, послав в мир слабый, едва заметный сигнал.

Он закрыл приложение, словно это могло оградить его от последствий. Но сердце все еще колотилось. Шэнь Цинцы подошел к окну и посмотрел на немой город внизу. Он чувствовал себя исследователем, который только что зажег крошечный костер в густой темноте: страшно привлечь неведомое зло, но так хочется увидеть хотя бы одну далекую, ответную искру.

Эта ночь обещала быть беспокойной. Темно-красное бархатное платье все еще было на нем, нашептывая безмолвные соблазны, а видео, уже улетевшее в виртуальную вселенную, стало камнем, брошенным в озеро. Там, в неизвестной ему глубине, пошли круги по воде.

<http://bllate.org/book/20970/2128507>